

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему «**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ
ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (ПО
МАТЕРИАЛАМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)**»

Выполнил
Рябенко Егор Сергеевич,
обучающийся по специальности
40.05.02 Правоохранительная
деятельность
2021 года набора, 123 учебного взвода

Руководитель
заместитель начальника кафедры,
кандидат юридических наук
Афанасьева Анна Александровна

К защите _____
рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры _____ В.С. Латыпов
подпись

Дата защиты «___» _____ 2026 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Иные участники уголовного судопроизводства: генезис, система и процессуальный статус.....	7
§ 1. Становление и развитие института иных участников уголовного судопроизводства в российском уголовном процессе.....	7
§ 2. Система иных участников уголовного судопроизводства: их сущность и содержание.....	20
Глава 2. Современные проблемы и перспективы развития нормативного регулирования и практики привлечения к производству по уголовным делам иных участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации.....	32
§ 1. Процессуальный порядок и организационные основы участия сведущих лиц в уголовно-процессуальной деятельности.....	32
§ 2. Правовая природа и современная роль института понятых в уголовном судопроизводстве России.....	36
§ 3. Проблемы процессуального положения свидетеля.....	40
§ 4. Особенности уголовного-процессуального статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения.....	48
Заключение.....	52
Список использованной литературы.....	55
Приложение.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Современное уголовное судопроизводство Российской Федерации, регламентированное Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ), основывается на принципе состязательности сторон. Данный принцип предполагает четкое распределение уголовно-процессуальных функций между обвинением, защитой и судом, что нашло свое отражение в структуре УПК РФ. Однако реализация задач уголовного процесса была бы невозможна без привлечения лиц, оказывающих содействие в его осуществлении. Так, законодатель, учитывая данное обстоятельство, впервые на уровне кодифицированного закона выделил их в отдельную процессуальную категорию – «иные участники уголовного судопроизводства» (глава 8 УПК РФ).

К данной группе относятся свидетель, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, эксперт, специалист, переводчик и понятой. Несмотря на то, что они не являются сторонами в уголовном процессе, данные участники выполняют вспомогательные функции, тем самым обеспечивая возможность полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Их роль эпизодична, но без их специальных знаний, навыков достижение целей уголовного судопроизводства становится проблематичным.

При этом актуальность настоящего исследования обусловлена рядом факторов. Так, несмотря на достаточное внимание ученых к процессуальному статусу отдельных участников, в научной литературе отсутствует комплексный подход к изучению данной группы как единого, целостного института. Многие фундаментальные работы были созданы до вступления в силу действующего УПК РФ и не отражают современных реалий и накопленной правоприменительной практики.

Кроме того, на практике сохраняется ряд нерешенных проблем, связанных с привлечением и участием сведущих лиц. Без привлечения экспертов, специалистов и переводчиков, обладающих редкими знаниями, невозможно установить обстоятельства уголовного дела. Ярким примером является рост числа преступлений, совершаемых иностранными гражданами, что статистически подтверждается данными МВД России и требует безупречного функционирования института переводчика. Так, несмотря на общую тенденцию снижения преступности в России (- 6,3 %), все же фиксируется рост совершенных преступлений среди иностранных граждан. За январь-октябрь 2025 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории РФ совершено 36,8 тыс. преступлений, что на 11,2 % больше, чем за аналогичный период 2024 г.¹ Проведенное автором анкетирование сотрудников территориального органа внутренних дел по Челябинской области (12 респондентов) подтвердило остроту данной проблемы. Так, 75% опрошенных (9 человек) регулярно или периодически сталкиваются с дефицитом квалифицированных переводчиков, что создает реальные трудности в расследовании уголовных дел с участием иностранных граждан².

Также требуют дальнейшего научного осмысления и совершенствования такие институты, как свидетель и понятой. От эффективности правового регулирования статуса свидетеля напрямую зависит полнота и достоверность получаемых доказательств. Институт понятых, претерпевший значительные изменения, также нуждается в дополнительном анализе с целью выявления пробелов и коллизий в правовом регулировании. А введенная Федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 378-ФЗ³ ст. 56.1 «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Краткая характеристика состояния преступности за январь-октябрь 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 29.01.2026).

² См.: Приложение 1.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 9 октября 2018 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 октября 2018 г. // Рос. газ. – 2018. – 3 декабря.

досудебного соглашения о сотрудничестве» вовсе требует всестороннего исследования.

Таким образом, считаем необходимым исследование института иных участников уголовного судопроизводства с целью выявления теоретических, законодательных и правоприменительных проблем, а также путей их решения.

Объект исследования – это общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации в связи с привлечением и деятельностью лиц, содействующих осуществлению правосудия.

Предмет исследования представляет собой правовой институт «иных участников уголовного судопроизводства» (глава 8 УПК РФ), включающий их процессуальный статус, функциональную роль, теоретические основы, законодательное регулирование, а также проблемы правоприменительной практики.

Целью дипломной работы является комплексное исследование уголовно-процессуального положения, функциональной роли и социально-правового значения иных участников уголовного судопроизводства, а также разработка предложений по совершенствованию их правового статуса и процессуальной деятельности для повышения эффективности уголовного процесса.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

зучить исторические этапы становления и развития института иных участников уголовного судопроизводства (сведущих лиц, понятых, свидетеля) в российском уголовно-процессуальном законодательстве;

роанализировать сущность и содержание процессуального статуса иных участников через призму их прав, обязанностей, гарантий и ответственности;

исследовать процессуальный порядок и организационные основы привлечения к уголовному делу сведущих лиц, выявить проблемы разграничения их компетенции и ответственности;

роанализировать правовую природу, современную роль и практическую

значимость института понятых уголовного судопроизводства, оценить тенденции его трансформации;

выявить и классифицировать актуальные проблемы процессуального положения свидетеля, включая вопросы обеспечения его безопасности, допустимости свидетельского иммунитета и привилегий, а также проблему получения показаний от лиц с особым правовым статусом;

проанализировать уголовно-процессуальный статус лица, в отношении которого в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный подход, моделирование) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический, метод правового прогнозирования) методы познания.

Эмпирическая база исследования включает материалы судебной и следственной практики, статистические данные, а также результаты аналитического сопровождения правоприменительной деятельности.

Структура работы predetermined целью и задачами исследования и включает в себя введение, две главы, состоящие из шести параграфов, заключение, список использованной литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ИНЫЕ УЧАСТНИКИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ГЕНЕЗИС, СИСТЕМА И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС

Становление и развитие института иных участников уголовного судопроизводства в российском уголовном процессе

Историческая эволюция института иных участников уголовного судопроизводства представляет собой сложный, многоуровневый процесс, неразрывно связанный с глубинными трансформациями российской государственности, права и общественного сознания. Их путь от периферийных, вспомогательных фигур в системе частно-искового обвинения до самостоятельных, процессуально гарантированных субъектов современного состязательного процесса раскрывает ключевые закономерности развития всего уголовного судопроизводства России. Каждый из этих институтов – свидетель, понятой, сведущее лицо (эксперт, специалист), а также лиц, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения – служит своеобразным «индикатором», отражающим баланс между публичным интересом в раскрытии преступления и частным интересом в защите достоинства, свободы и неприкосновенности личности.

Историю становления и развития института иных участников уголовного судопроизводства целесообразно исследовать через призму историко-правового анализа, выделяя пять ключевых этапов его эволюции.

рождение института в частно-исковом процессе и сословном государстве (IX–XVII вв.).

Период с IX по XVII век представляет собой фундаментальную стадию развития будущих институтов иных участников уголовного судопроизводства России. Их формирование происходило в контексте двух доминирующих подходов. А именно частно-исковой (обвинительной) формы процесса и сословно-иерархического устройства общества. Особо стоит отметить, что в эту эпоху отсутствовало четкое разделение между уголовным и гражданским

процессом, а также между участниками судопроизводства. Роль будущих свидетелей, понятых и сведущих лиц была неопределенной, что затрудняло обеспечение легального их участия в производстве по делу.

В древнейший период, начиная с договоров с Византией (911, 944 гг.)¹ до Русской Правды (XI–XIII вв.), процесс был строго состязательным и обвинительным. Инициатива в возбуждении дела и соответственно в его производстве полностью принадлежала потерпевшему или его роду («заклич» на торгу, «свод» – очная ставка с предполагаемым виновным). Государство в лице князя и его администрации выступало исключительно в роли арбитра, взимающего судебные пошлины, и гаранта исполнения решения посредством силы.

На данном этапе развития свидетель как самостоятельная уголовно-процессуальная фигура в современном понимании отсутствовал. Однако его прообразами выступали:

— видоки (очевидцы), иначе говоря, лица, непосредственно наблюдавшие событие преступления (например, нанесение раны, кражу). Однако их функция не сводилась к даче нейтральных показаний. Видок был активным участником «свода», показания которого имели силу не сами по себе, а как элемент процедуры очной ставки и опознания. Неявка видока на суд могла привести к проигрышу дела стороной, которая на него ссылалась. Более того, видок часто нес материальную ответственность, выступая как поручитель за достоверность факта. Если же впоследствии его сведения опровергались, он мог сам стать ответчиком.

— послухи (свидетели «доброй славы»), признаваемые ключевыми фигурами (соседи, члены одной общины). Послух – это не свидетель обстоятельства преступного деяния, а свидетель характера, репутации обвиняемого или истца. Он «послушает», иначе говоря, свидетельствует о том, что сторона является человеком честным, добрым, и на него можно положиться.

¹ Зимин А.А. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. М., 1952. С. 11.

В спорах о собственности послухи могли подтверждать законность владения, их показания были коллективной гарантией социального статуса лица, а не установления объективных обстоятельств дела.

В ходе централизации государства вокруг Москвы начинается постепенное усиление публичного, розыскного (инквизиционного) начала в процессе, особенно по тяжким преступлениям. Одновременно происходит первичная законодательная фиксация статусов лиц, которые в дальнейшем преобразовывались в будущих иных участников. Так, Белозерская уставная грамота 1488 г. и Судебник 1497 г. вводят норму: «А наместникам нашим и тиунам без соцков и без добрых людей не судите суд»¹. «Соцкие» (выборные от сотен) и «добрые люди» (уважаемые члены общины) призваны были обеспечить гласность и легитимность суда наместника, предотвращая его произвол и взяточничество. Это был институт общественного (сословно-общинного) контроля за властью, а не удостоверения доказательств.

Что касается сведущих лиц, то законодательство Московского государства эпизодически, но содержало предписания относительно необходимости привлекать лиц со специальными знаниями, что отражает усложнение жизни и судебной практики. К примеру, Судебник 1550 г. косвенно указывает на необходимость установления причины смерти. Соборное Уложение 1649 г. в статье 4 главы XXI упоминает «лекарей» для освидетельствования раненых. Однако важнейшим шагом стал Указ от 6 марта 1699 г. Петра I «О порядке исследования подписей на крепостных актах», изданный по конкретному судебному делу о подложной купчей². Указ предписывал при спорах о подписях привлекать «знающих» людей. Здесь впервые определяется круг объектов исследования (подписи), категории сведущих лиц (подьячие, грамотеи) и

¹ Баиров А.Т., Попова Е.И. Некоторые аспекты становления и развития современного состояния института понятых // Современные проблемы теории и практики глазами молодых исследователей. 2016. С. 194.

² Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. Тула, 2014. С. 210.

процедура (сравнение). Это прообраз будущей почерковедческой экспертизы, хотя процессуальная форма еще не выработана.

Кроме того, Судебники 1497 и 1550 гг. ужесточают отношение к лжесвидетельству, вводя наказание за «ложные поклепы» и обязанность возместить убытки. Такой подход свидетельствует о признании значимости, но и опасности свидетельских показаний. Соборное Уложение 1649 г. делает важный шаг в формировании будущего свидетельского иммунитета, что прямо запрещает допрашивать в качестве свидетелей детей против родителей, холопов и крестьян

п

р

о

т

и

в

с

в — незаинтересованность («сторонние люди»);

о — высокий социальный статус и репутация («добрые и прожиточные»);

и — функция удостоверения факта (результатов сыска) для последующего доверия к ним.

Однако процессуальный порядок их участия, права и обязанности по-прежнему не определены.

О В целом можно заключить, в этот период иные участники не обладали самостоятельным уголовно-процессуальным статусом, однако их роль определялась потребностями общинного или сословного правосудия.

Систематизация и формализация уголовного процесса в эпоху абсолютизма (XVIII и первая половина XIX вв.)

и

Н ¹ Ермошин В.В. Развитие русского права в XV - первой половине XVII в. М., 1986. С. 236.

² Суд и уголовный процесс помещичье-буржуазной. СПб., 1995. С. 759.

а

Эпоха абсолютной монархии стала периодом тотальной систематизации и жесткой формализации всех сторон государственной жизни, включая уголовный процесс. Так, институты иных участников были отныне вписаны в единую, общегосударственную инквизиционную (розыскную) систему судопроизводства. Их статус, значение и функции были полностью пересмотрены и поставлены на службу главной цели по укреплению государственной власти и обеспечению ее репрессивной функции через создание непогрешимой системы доказательств. При этом личность участника процесса окончательно растворялась в сословной категории, а его показания оценивались не по содержанию, а по внешним, предписанным законом признакам.

Ключевым нововведением, определившим судьбу всех участников процесса, стало законодательное закрепление «теории формальных (легальных) доказательств», суть которой заключалась в том, что сила и достоверность каждого доказательства заранее предопределялись законом, а не внутренним убеждением судьи. В связи с этим судья превращался в счетную фигуру, который механически складывал «доли доказательств», предписанные уставом. Эта теория, наиболее полно выраженная в Воинском уставе Петра I (1716 г.) и развитая в Своде законов Российской империи (1832 г.), служила двум целям:

- максимально ограничить судейский произвол;
- с

В рамках формальной теории свидетель перестал быть поручителем стороны, но и не стал независимым источником информации. Он стал носителем определенной «доли» доказательственной силы, величина которой зависела от его социального статуса. Так, Воинский устав устанавливал иерархию показаний. Так, показания одного свидетеля считались «половинным доказательством», для полного доказательства требовались показания двух свидетелей, «достойных доверия». При этом показания одного свидетеля

и

¹ Курбанова Е.М., Цеева С.К. История возникновения и развития института использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений в дореволюционной России // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 8. С. 10

ю

з

и

«подлого состояния» (крестьянина, городского плебея) оценивались лишь как «треть доказательства».

Далее Свод законов 1832 г. закрепил три обязательных условия допустимости свидетельских показаний, во-первых, не менее двух свидетелей на один факт, во-вторых, принесение присяги по установленной форме и отсутствие законодательных запретов на свидетельство (например, родства с подсудимым в определенных степенях), и, в-третьих, свидетель должен «заслуживать доверия» суда. На практике это означало проверку его сословной благонадежности, безупречной репутации и православного вероисповедания.

Кроме того, закреплялось, что обязанность свидетеля давать показания под угрозой наказания стала абсолютной. При этом система иммунитетов была сведена к минимуму и носила не личностный, а сословно-корпоративный характер. К примеру, духовные лица не допрашивались о тайне исповеди, но это было привилегией сана, а не правом человека). Обязанность свидетельствовать против себя и близких сохранялась и усиливалась.

XVIII век стал временем институционализации судебно-экспертной деятельности в ее современном понимании. Государство, сталкиваясь с необходимостью расследования сложных дел (отравления, подлоги, технические аварии), взяло ее под свой контроль. Если ранее привлечение знатоков было фрагментарным, то теперь оно стало обязательной процедурой. Артикул Воинский 1716 г. императивно требовал: «Когда кто умрет, а подозрительно явится, что он от отравы умер, тогда лекаря того тела взрезать и подлинно исследовать». Так была заложена основа обязательной судебно-медицинской экспертизы¹.

При правлении Петре I и его преемниках формируются первые штатные структуры, а именно медицинские канцелярии, врачебные управы, в чьи обязанности входило производство исследований по запросам суда и следствия. Сведущее лицо превращалось из частного знатока в государственного служащего-эксперта. Так, Свод законов 1832 г. детализировал этот статус:

¹ Крылов И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. Л., 1963. С. 36.

- ввел ответственность врача за неявку или дачу ложного заключения;
- установил принцип инстанционности, что означало, разногласие между следователем и врачом разрешалось вышестоящей медицинской инстанцией (губернским врачебным правлением), что укрепляло корпоративную солидарность и ведомственный контроль;

- присвоил заключению официального медика статус «совершенного доказательства», что означало, что такое заключение, будучи оформлено по правилам, имело наивысшую, формально неоспоримую силу и было обязательным для безусловного принятия судом. Истинность выводов не

б Что касается института понятых, то он сохранился, но кардинально изменил свою социальную и процессуальную природу. Так, требование присутствия «свидетелей» или «понятых» при обысках, выемках и описях имущества стало стандартной нормой в многочисленных административных

д

в

л

а

в

в

х

Итак, к середине XIX века российский уголовный процесс представлял собой бюрократический механизм, формирующий формальное обвинение. Кризис этой системы, ее неспособность обеспечить справедливость и защитить личность от произвола, стал главной причиной грядущей либеральной революции, а именно проведение Судебной реформы 1864 г.

Либерально-правовая революция и формирование современной процессуальной науки (Вторая половина XIX в. – 1917 г.)

в

к ¹ Курбанова Е.М., Цеева С.К. Указ. соч. С. 10

д ² Суд и уголовный процесс помещичье-буржуазной. СПб, 1995. С. 759.

у

в

н

Вторая половина XIX века ознаменовалась в России радикальными изменениями, связанными с разрывом с инквизиционной формой уголовного процесса. На данном этапе формировалась новая либерально-правовая модель уголовного судопроизводства. Значимым событием этого периода было принятие 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства (далее – УУС), который осуществил полномасштабную революцию, заменив тайный, письменный и бюрократический механизм розыска на процесс состязательный, гласный и устный. При этом его фундаментом стали принципы независимости суда, равенства сторон и свободной оценки доказательств. Кроме того, при новом подходе все участники процесса впервые в русской истории обрели статус полноценных субъектов процесса, наделенных комплексом процессуальных прав, гарантий и четко определенных функций.

Особенностью реформы стал отказ от устаревшей теории формальных доказательств, в соответствии с которой каждое свидетельство имело заранее установленную «цену». При этом УУС провозгласил принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей (ст. 119). Достоверность доказательств теперь должна была устанавливаться в ходе публичного, устного состязания сторон, подвергаться перекрестному допросу и критическому анализу. Это кардинально изменило роль всех участников, теперь из пассивных источников информации они превратились в активных субъектов процесса¹.

Также считается, что УУС реформировал статус свидетеля, создав баланс между публичным интересом в установлении истины и неприкосновенностью частной жизни. Так, впервые в российской истории был детально прописан его правовой статус, процедура вызова, допроса и ответственности.

Главным достижением либеральной доктрины стало введение системы свидетельских иммунитетов. Так, от свидетельства освобождались:

¹ Рустамов Х.У. Некоторые особенности понятия «свидетель» в российском уголовном процессе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. № 4. Т. 24. 2017. С. 162

- духовные лица – об обстоятельствах, открытых на исповеди (тайна исповеди);
- адвокаты – об обстоятельствах, ставших им известными по долгу защиты (адвокатская тайна);
- врачи – о врачебных тайнах;
- лица, которым показания могли причинить вред или позор.

Кроме того, была отменена сословная градация доказательственной силы показаний. Доверие к свидетелю теперь зависело не от его происхождения, а от поведения в суде, последовательности показаний и отношения к сторонам.

Реформа радикально изменила природу специальных знаний в процессе. Теперь заключение сведущего лица перестало быть «совершенным доказательством», обязательным для суда, и превратилось в некоторое мнение, которое нужно было еще подтвердить.

Также УУС отказался от замкнутого корпуса государственных экспертов. Это означало, что теперь к участию могли привлекаться любые лица, обладающие особыми знаниями, навыками¹. Был установлен четкий процессуальный порядок их деятельности. Кроме того, важнейшим нововведением стал принцип состязательности в экспертизе, что свидетельствовало о том, что стороны получили право ходатайствовать о назначении экспертизы, задавать вопросы и приглашать своих собственных сведущих лиц, чьи мнения могли соперничать в суде².

Была предпринята попытка модернизации института понятых, превратив его из формальности в реальный инструмент контроля за следственными действиями. Целью института понятых заключалась в удостоверение факта, содержания и результатов действия (например, обыска) для последующего подтверждения его законности.

¹ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 77-78.

² Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Часть I. Судостроительство. М., 2014. С. 311

Стремясь к реальной гарантии, был введен социально-имущественный ценз, который предписывал привлекать в городах домовладельцев или управляющих, а в сельской местности – землевладельцев или волостных старшин, для обеспечения независимости понятых от следователя. Однако на практике этот замысел часто вырождался в формальность, иначе говоря, привлекались малограмотные и социально зависимые лица, не понимавшие своей миссии.

Таким образом, к 1917 г. в России существовала процессуальная система, в которой институты свидетеля, эксперта и понятого обрели современные либеральные черты.

государствление и идеологизация в советский период (1917–1991 гг.).

Советский период представляет собой радикальный разрыв с предшествующей либерально-правовой традицией и становление принципиально новой модели уголовного процесса. Суть ее заключалась в том, что все его элементы, включая институт иных участников, были подвергнуты тотальному огосударствлению и идеологизации. В основе этой трансформации лежало марксистско-ленинское отрицание «буржуазного» права как системы формальных гарантий, мешающих осуществлению классового правосудия. В данным условиях уголовный процесс перестал быть процедурой установления истины в споре равноправных сторон, тем самым модернизовавшись в инструмент диктатуры пролетариата, направленный на выявление, изоляцию «врагов народа». Иные участники в этой системе утратили статус субъектов права и введены в класс функциональных элементов государственной карательной машины, чьей единственной задачей стало безоговорочное содействие реализации карательной воли государства.

Философской основой того периода стала доктрина «революционной законности» и «социалистического правосознания», которые подчиняли формально-правовые нормы текущим политическим задачам. Согласно данной парадигме, участник процесса оценивался не с точки зрения его прав, а с точки зрения его полезности для дела обвинения.

Советское право осуществило полную оптимизацию системы свидетельских иммунитетов, созданной Уставом 1864 г. Частная жизнь, семейные и профессиональные тайны перестали быть законным препятствием для интересов государства. Нормы УПК РСФСР 1922, 1923 и, особенно, 1960 гг. обязывали свидетеля являться по вызову и давать правдивые показания. При этом статья 73 УПК РСФСР 1960 г. не содержала никаких оговорок о праве на отказ. Кроме того, ключевым нововведением стала отмена права не свидетельствовать против себя и своих близких родственников, что стало краеугольным камнем либерального права. Свидетель был обязан сообщить все, включая изобличающую его самого, супруга, детей, родителей информацию. Семейная лояльность приносилась в жертву лояльности государственной. Отказ карался по статье 182 УК РСФСР («Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний»)¹. Круг лиц, не подлежащих допросу, был сведен до минимума и носил сугубо утилитарный характер. Сохранился лишь иммунитет защитника (адвоката) об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с выполнением обязанностей (ч. 3 ст. 72 УПК РСФСР 1960 г.). Иммунитет священнослужителей о тайне исповеди, закрепленный в УУС, был отменен. Что касается врачебной тайны, то она также не признавалась безусловным препятствием для дачи показаний. За отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 181, 182 УК РСФСР) устанавливалась строгая уголовная ответственность. Таким образом, свидетель оказывался в ситуации двойного принуждения, а именно морально-политического долга и прямой угрозы уголовного преследования.

Деятельность экспертов и специалистов также приобрела более государственный характер. Так, советский период завершил процесс превращения специальных знаний в отрасль государственной службы, начатый при Петре I, и придал идеологизированный характер. Была создана мощная, централизованная система государственных судебно-экспертных учреждений в

¹ Ельджаров А.Р. История развития отечественного законодательства о свидетеле и его показаниях в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2023. № 17 (464). С. 357.

структуре МВД, КГБ и Министерства юстиции¹. Экспертная деятельность была выведена из рыночных отношений и полностью подчинена ведомственным инструкциям и планам. Частная экспертиза была практически невозможна.

Кроме того, в соответствии с новым законодательством четко разграничился статус эксперта и специалиста:

- эксперт (ст. 78 УПК РСФСР 1960 г.) – это лицо, обладающее специальными познаниями и назначенное для производства исследования и дачи заключения. Его статус был детально регламентирован;

- специалист (ст. 133¹ УПК РСФСР 1960 г.) – это лицо, обладающее специальными познаниями и привлекаемое для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств (например, криминалист на месте происшествия). Он не давал самостоятельного заключения.

Это разграничение повысило научный уровень исследований, но усилило зависимость эксперта от органа, его назначившего.

Важно отметить, что переводчик был формально выделен в отдельную фигуру, но его деятельность также контролировалась государством, особенно в делах с иностранцами или представителями «неблагонадежных» национальностей.

В отношении института понятых советский законодатель декларировал демократию, отменив сословно-имущественный ценз, что на практике выхолостило его суть, превратив в формальный ритуал.

Принятый далее УПК РСФСР 1960 г. определял понятых как «любых не заинтересованных в деле граждан» (ст. 135). Им предоставлялось право делать замечания, подлежащие внесению в протокол. Перечень действий с их участием был широк: осмотр, обыск, выемка, следственный эксперимент, опознание, эксгумация.

По общему правилу, понятых набирали среди наименее образованных и социально зависимых лиц, которые не понимали юридической сути своей роли,

¹ Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. С. 28-29.

боялись противоречить представителю власти. При этом их участие сводилось к молчаливому наблюдению и механической подписи протокола, содержание которого им часто не зачитывалось. Любые возражения были исключительной редкостью. Таким образом, понятые выполняли не функцию реального контроля, а символическую функцию «присутствия народа», необходимое для придания видимости легитимности действиям карательных органов.

Можно отметить, что к концу советской эпохи сложилась глубоко деформированная система, которая служила целям репрессивного, идеологически государства. Этот системный кризис, наряду с политическими изменениями, сделал неизбежной следующую масштабную правовую реформу – создание УПК РФ 2001 г.

овременное развитие уголовно-процессуального законодательства (с 1991 г. по настоящее время).

Современный этап развития института иных участников уголовного судопроизводства, начавшийся с распадом СССР и принятием Конституции Российской Федерации 1993 г., представляет собой сложный, динамичный и противоречивый процесс синтеза разнородных правовых традиций, который породил систему, в которой восстановленные права личности сосуществуют с унаследованными от прошлого обвинительными инструментами и сталкиваются с принципиально новыми вызовами, порождая уникальные процессуальные формы.

Итак, исторический путь института иных участников уголовного судопроизводства в России демонстрирует нелинейный, циклический, но в целом прогрессивный характер его развития. От бессубъектных функций в древнем суде к современному сложному синтезу, где восстановленные гарантии сочетаются с новыми, порой противоречивыми правовыми конструкциями. Этот путь свидетельствует о том, что эволюция уголовного процесса определяется обязанностью государственной власти в обеспечении правопорядка и неприкосновенности личности, ее достоинства и прав. Современный статус иных участников, с его системой иммунитетов, прав, обязанностей и ответственности,

является прямым отражением текущего состояния российской правовой системы.

§ 2. Система иных участников уголовного судопроизводства: их сущность и содержание

Реализация задач и достижение целей уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6 УПК РФ, объективно требует привлечения широкого круга лиц, не отнесенных законом ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты, ни к суду. Эти лица выполняют специфические вспомогательные функции, обеспечивая законность, полноту и объективность досудебного и судебного производства. Кодификация и законодательное обособление данной группы в отдельную главу 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства» стала новеллой Уголовно-процессуального права, подчеркивающей важность их роли в современной состязательной модели процесса¹.

Под иными участниками уголовного судопроизводства понимаются лица, принимающие участие в уголовном процессе в целях реализации его назначения путем содействия охране прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, а также непосредственного формирования доказательств по уголовному делу. Система этих участников, закрепленная в главе 8 УПК РФ, является закрытой, однако их правовой статус и роль существенно различаются. Так, исходя из функционального признака, представляется обоснованной их классификация на две основные группы:

- лица, чьи показания и (или) заключения в силу закона являются самостоятельными источниками доказательств (свидетели, лица, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ними досудебного соглашения о сотрудничестве, эксперты и специалисты);

¹ Латыпов В.С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2013. С. 5.

– лица, которые сами не формируют доказательства, но своим участием обеспечивают надлежащую процедуру, создают условия для реализации прав

Так, открывает перечень иных участников *свидетель* – лицо, привлекаемое к участию в уголовном деле органом расследования или судом в связи с предполагаемым обладанием сведениями о фактических обстоятельствах, имеющих значение для расследования уголовного дела. Его статус носит производный характер от наличия информации и является единственным среди иных участников, возникающим, как правило, помимо воли самого лица, в силу юридической обязанности давать показания.

В доктрине уголовно-процессуального права уже длительное время ведутся дискуссии относительно того, является ли свидетель полноценным, активным субъектом уголовно-процессуальной деятельности или же его роль носит пассивный, «объектный» характер. Так, В.Н. Шпилев рассматривает свидетеля как лицо, «которое обязано дать показания об известных ему обстоятельствах совершенного преступления, любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу». Аналогичный подход формулирует В.И. Смыслов, указывая, что свидетель – это лицо, которое «по первому требованию... обязано явиться... и дать... правдивые показания»². Подобные дефиниции, как подчеркивает сам В.И. Смыслов, делают акцент на отношении свидетеля к делу через призму его обязанности сообщить известную информацию.

В противовес этому, иные исследователи предлагают более широкое понимание свидетеля, выводящее на первый план не обязанность, а объективную возможность обладания информацией. Так, по логике Н.И. Порубова, свидетелем может быть лицо, которому известны обстоятельства дела или

¹ Латыпов В.С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфимский юрид. ин-т МВД РФ. Челябинск, 2013. С. 9.

² Смыслов В.И. Свидетель в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 12.

данные о личности обвиняемого¹. При расширительном толковании этой позиции свидетелем фактически является всякое лицо, запечатлевшее событие или последствия преступления, еще до формального привлечения его в этом качестве. Данная позиция гармонирует с мнением Н.Е. Павлова, утверждающего, что «свидетелями являются не только те, кто лично наблюдал событие преступления, но также люди, столкнувшиеся с последствиями преступления, и люди, которые, выполняя свой гражданский долг, задерживают лицо, его совершившее»².

Таким образом, анализ научных позиций позволяет выделить два конкурирующих подхода к определению статуса свидетеля:

- формально-обязательственный, который делает акцент на его процессуальной обязанности давать показания по вызову государства, что может служить основанием для рассмотрения свидетеля как «объекта» правоотношения;

- содержательно-фактический, который исходит из фактического наличия у лица информации, имеющей значение для расследования уголовного дела, что признает за ним изначальную роль субъекта, вовлекаемого в уголовно-процессуальные отношения.

При этом следственно-судебная практика подтверждает обоснованность широкого, содержательного подхода, демонстрируя многообразие ситуаций, в которых лицо становится носителем значимой информации. Однако непосредственно вызов следователя, дознавателя или суда и последующее разъяснение прав и обязанностей, предусмотренных ст. 56 УПК РФ, осуществляют формализацию этого статуса, трансформируя лицо, обладающее сведениями, в полноценного участника уголовного процесса с комплексом корреспондирующих прав и обязанностей. Эта формализация исключает продиктованный в доктрине скептицизм, поскольку свидетель, обретая четкие

¹ Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособ. М., 1998. С. 98.

² Павлов Н.Е. Долг свидетеля. М., 1989. С. 5.

процедурные права, перестает быть лишь пассивным источником информации и становится субъектом, вступающим в правоотношения с государственными органами и иными участникам.

Следственно-судебная практика подтверждает обоснованность широкого толкования, демонстрируя, что в роли свидетеля выступают:

- лица, наблюдавшие событие преступления;
- лица, наблюдавшие последствия преступления;
- лица, выполнявшие гражданский долг по пресечению преступления, задержанию лица или сообщению о нем в правоохранительные органы;
- лица, обладающие информацией от третьих лиц.

Таким образом, объединяющим критерием является предполагаемое наличие любой информации, представляющей следственный и судебный интерес. Непосредственно вызов следователя, дознавателя или суда и последующее разъяснение прав и обязанностей формирует статус свидетеля, наделяя его комплексом уголовно-процессуальных прав и обязанностей, за неисполнение которых установлена уголовная ответственность.

Следующим иным участников уголовного судопроизводства признается *лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (далее – лицо, заключившее соглашение).*

Формирование и законодательное закрепление процессуального статуса лиц, заключившего соглашение, представляет собой сложный, эволюционный процесс, отражающий поиск баланса между интересами правосудия, эффективностью раскрытия преступлений и гарантиями прав участников процесса. Исторически, с момента введения института соглашения в 2009 г. и до 2018 г., правоприменительная практика демонстрировала двойной подход: лицо, заключившее соглашение, рассматривалось либо как свидетель (с соответствующим предупреждением об ответственности по ст. 307, 308 УК РФ,

что, по замечанию В.С. Латыпова, не всегда соблюдалось¹), либо как обвиняемый, сохраняющий свой полный процессуальный комплект прав. Этот правовой вакуум был разрешен конституционной правоприменительной доктриной. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ № 17-П от 20 июля 2016 г. была сформулирована фундаментальная позиция о наличии у лица, заключившего соглашение, процессуального статуса, который не совпадает ни со статусом свидетеля, ни со статусом обвиняемого. Конституционный Суд Российской Федерации аргументировал это тем, что, с одной стороны, лицо, заключившее соглашение, не может считаться процессуально нейтральным свидетелем, поскольку оно материально заинтересовано в исходе дела (ему предъявлено обвинение по выделенному производству), а с другой – его уголовное преследование в рамках основного дела прекращено, что исключает полноценный статус обвиняемого в этом процессе².

Реакцией законодателя на данную правовую позицию стало введение Федеральным законом от 30 октября 2018 № 376-ФЗ специальных ст.ст. 56.1 и 281.1 УПК РФ. Однако помещение нормы о лице, заключившем соглашение, в главу 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства» было воспринято научным сообществом неоднозначно и породило оживленную дискуссию о подлинной сущности его статуса, выявив три основных доктринальных подхода.

В соответствии с первым подходом статус лица, заключившего соглашение, и статус свидетель сближаются, хотя и с существенными оговорками. Так, М.Е. Кубрикова еще в 2013 г. предлагала закрепить, что осужденный по выделенному делу является свидетелем по основному,

¹ Латыпов В.С. Новелла процессуального законодательства, или новый этап развития института содействия правосудию // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 2. С. 214.

² По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко: постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202199/ (дата обращения: 29.01.2026).

обязательно предупреждаемым об ответственности¹. В.А. Лазарева определяет его как «заинтересованного свидетеля», подчеркивая сочетание свидетельской функции с личной заинтересованностью². С.С. Безруков видит более органичным название «Свидетель по соглашению» и размещение соответствующей статьи в главе об участниках со стороны обвинения³. Ф.М. Кобзарев считает решение законодателя оптимальным, оценивая статус лица, заключившее соглашение, как близкий к «свидетелю со стороны обвинения»⁴. В.С. Латыпов, предлагая термин «особый свидетель» или «лицо, являющееся источником сведений», аргументирует это его расположением в УПК РФ непосредственно после статьи о свидетеле⁵.

Второй подход акцентирует внимание на сохраняющейся связи лица, заключившего соглашение, со статусом обвиняемого. Наиболее категорично эту позицию выражает А.В. Пиук, предлагающий понятие «сообвиняемый». Автор настаивает на принципиальном отличии от свидетеля и подчеркивает, что лицо, заключившее соглашение, никогда не должно быть к нему приравнено, поскольку остается субъектом преступного деяния⁶. А.В. Победкин также указывает на фактическое положение лица, заключившего соглашение, как обвиняемого, отмечая противоречивость созданной законодателем конструкции, где обвиняемый выступает в роли незаинтересованного свидетеля⁷.

Третий наиболее точно следующий логике Конституционного Суда, настаивает на признании уникальности статуса лица, заключившего соглашение,

¹ Кубрикова М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 14.

² Лазарева В.А. Лицо, в отношении которого // Мировой судья. 2019. № 2. С. 16.

³ Безруков С.С. Проблемы реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации в уголовном судопроизводстве / С.С. Безруков // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3(90). С. 83.

⁴ Кобзарев Ф.М. К вопросу об определении процессуального статуса нового свидетеля обвинения в уголовном процессе // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 2. С. 226.

⁵ Латыпов В.С. Указ.соч. С. 216.

⁶ Пиук А.В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2016. № 12. С. 56.

⁷ Победкин А.В. Ни обвиняемый, ни свидетель: создание «сущего без нужды» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. С. 56.

к традиционным процессуальным фигурам. А.А. Бояринцев использует термин «свидетельствующий соучастник», который отражает двойственную природу участника. А именно его соучастие в преступлении и специфическую доказательственную функцию¹. П.В. Эдилова предлагает оригинальное понятие «контрактант», выводящее статус из факта заключения особого соглашения (контракта) с государством, что формирует самостоятельный вид уголовно-процессуальных отношений². С.А. Яковлева и П.С. Конюшков используют более нейтральное, но также обособляющее наименование «соучастник, заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве»³.

Таким образом, сущность процессуального статуса рассматриваемого лица, заключившего соглашение, заключается в его пограничном характере, поскольку синтезирует в себе отдельные элементы правового положения обвиняемого и свидетеля, не тождествуя в полной мере ни тому, ни другому. Содержание этого статуса, закрепленное в ст. 56.1 УПК РФ, является компромиссным и, как показал анализ научных позиций, продолжает вызывать дискуссии относительно его точного наименования, системного места в УПК РФ и степени реализации конституционно-правовой доктрины. Законодательное решение, поместившее лицо, заключившее соглашение, в категорию «иных участников», формально разрешило проблему квалификации, но оставило открытыми вопросы о глубинной природе его уголовно-процессуальных гарантий и обязанностей, что свидетельствует о необходимости дальнейшей теоретической проработки и, возможно, последующей легальной корректировки данной процессуальной фигуры.

Особую подгруппу в системе иных участников составляют *эксперт, специалист и переводчик*, объединенные общей характеристикой – обладанием

¹ Бояринцев А.А. «Заинтересованный» свидетель - особенности правового положения // Законность. 2022 г. № 10. С. 47-48.

² Эдилова П.В. Некоторые проблемные аспекты заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 181.

³ Яковлева С.А. Вопросы определения процессуального статуса лица, совершившего преступление в соучастии и заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Марийский юридический вестник. 2017. № 2(21). С. 96.

специальными знаниями. Их привлечение обусловлено необходимостью восполнить недостающие у субъектов расследования и суда познания для решения вопросов, выходящих за рамки их профессионализма. Хотя УПК РФ оперирует данным понятием, не раскрывая его содержания (ст. 57, 58), доктрина и сравнительно-правовой анализ позволяют сформулировать его сущностные черты.

При этом УПК РФ не даёт никакой конкретики относительно содержательной части понятия «специальные знания»¹, что не препятствует восполнить его из имеющихся материалов уголовно-процессуальной науки. Так, одним из первых, кто раскрыл термин «специальные знания», является А.А. Эйсман, который определил, что специальные знания – это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов². Более подробный подход выработан Е.В. Селиной, утверждающей, что «специальные знания – это прежде всего те, которыми не все люди обладают, которые... требуют более или менее длительной и серьёзной подготовки, опыта, возможно способностей и талантов, даже врожденных навыков, а нередко их применение невозможно без особой экипировки, определенного оборудования и т.п.»³. Этот подход коррелирует с зарубежными правовыми системами, где акцент также делается на опытности в конкретной области, отсутствующей у суда или следствия, либо на систематической практической деятельности. Содержательно использование таких знаний представляет собой сложный процесс, включающий анализ ситуации, определение необходимой информации, ее оценку, отбор и практическую реализацию для решения процессуальных задач.

Носители специальных знаний традиционно именуются сведущими лицами⁴, и их роль имеет доказательственный аспект. В соответствии с п. 3 и 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ заключение и показания эксперта, а также заключение и

¹ Елагина Е.В. Институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. СПб., 2019. С. 6

² Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. М., 1967. С. 91.

³ Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М., 2002. С. 5.

⁴ Исаева Л.М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. М., 2003. С. 265.

показания специалиста признаются самостоятельными источниками доказательств. Однако их процессуальные функции и статус различаются.

Эксперт (ст. 57 УПК РФ) – лицо, назначенное для производства судебной экспертизы, то есть самостоятельного исследования материалов дела для дачи заключения по поставленным вопросам. Его деятельность, как отмечается в литературе, является средством доказывания, незаменимым для установления фактов, иным способом невыяснимых¹. В состязательной модели процесса эксперт наделен особой функцией по формированию доказательств, выступая, по сути, помощником суда в установлении истины в специальных вопросах².

Специалист (ст. 58 УПК РФ) выполняет более широкий спектр задач. В частности, речь идет о содействии в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, применении технических средств, консультирование и разъяснение вопросов. Принципиальное значение имело признание в 2003 г. его заключения и показаний доказательствами. Эта новелла, по справедливому мнению ученых, создала эффективный инструмент для защиты³. Так, специалист перестал быть лишь техническим помощником следователя, его профессиональное мнение стало полноценным аргументом в состязании сторон. Статистика подтверждает востребованность этой роли. Так, в 2020-2025 гг. в 76% случаев специалист привлекался по инициативе защитника, причем наиболее частой формой его участия была дача заключения (75% случаев)⁴.

Переводчик (ст. 59 УПК РФ), включая сурдопереводчика для лиц с нарушениями слуха и речи, также является носителем специальных (лингвистических) знаний. Основанием его привлечения служит незнание языка

¹ Юрова К.И., Гурин А.А. Понятие судебной экспертизы в уголовном процессе // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2017. С. 92.

² Горянов Ю.И. Судебная экспертиза в современном уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и правоприменительная практика: дис... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 3.

³ Тарасов А.А. Привлечение специалиста в современной адвокатской практике по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 46.

⁴ Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Некоторые проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. №. 3. 2020. С. 80.

судопроизводства участником процесса. Его ключевая задача – обеспечить реализацию принципа языка судопроизводства, гарантируя лицам, не владеющим им, полноценную возможность защищать свои права и исполнять обязанности. В отличие от эксперта и специалиста, переводчик не создает и не исследует новую информацию. Его функция сводится к точному посредничеству в коммуникации. Именно эта вспомогательная, но технически сложная и незаменимая роль, требующая профессиональных навыков, позволяет отнести его к категории сведущих лиц, четко разграничивая со специалистом, чья деятельность направлена на работу с доказательствами.

Завершает систему иных участников *понятой* – это лицо, привлекаемое для удостоверения факта производства следственного действия, а также его содержания, хода и результатов (ст. 60 УПК РФ). Исторически его роль заключалась в обеспечении публичности и общественного контроля за действиями государственных органов на стадии предварительного расследования, выступая гарантией достоверности фиксации доказательств. Также законодатель устанавливает строгие критерии для исключения заинтересованности, а именно не могут быть понятыми несовершеннолетние, участники процесса и их родственники, сотрудники правоохранительных органов.

Однако в современной доктрине и практике институт понятых подвергается системной и обоснованной критике, ставящей под сомнение его реальную эффективность. Противники его сохранения в обязательном порядке указывают на следующие противоречия:

— отсутствие материальной или иной заинтересованности у граждан, как правило, приводит к формальному участию, «равнодушию и процессуальному формализму»¹. На практике следователи сталкиваются с прямым нежеланием граждан тратить время на длительные процедуры, что порождает ситуации

В

Ы ¹ Резепкин А.М. Против понятых в уголовном судопроизводстве РФ // Право и государство: теория и практика. №. 6 (198). 2021. С. 263

Н ² Кожевников И.Н. О проекте Уголовно-процессуального кодекса // Уголовное право. 1997. № 3. С. 69.

У

Ж

Д

— особую сложность представляет поиск понятых в ночное время, в безлюдных местах или при производстве неотложных действий. Яркой иллюстрацией служит пример, когда изъятие наркотического средства у задержанного на месте было отложено до его доставления в отдел полиции по причине невозможности найти понятых поздним вечером. Это создает риски утраты доказательств и ставит под сомнение оперативность расследования.

В качестве альтернативы обязательному участию понятых в научном сообществе активно обсуждается модель замены их обязательным применением технических средств фиксации (аудио- и видеозаписи). Преимуществом такого подхода видится объективность и непрерывность фиксации. Однако его внедрение, как справедливо отмечают исследователи, сопряжено с серьезными условиями. В данном случае необходимо создание защищенных от модификации технологий, масштабное техническое переоснащение органов следствия и дознания, а также разработка четких методических правил¹. Так, результаты проведенного автором анкетирования сотрудников полиции демонстрируют, что практические работники в целом поддерживают данное направление. 17% высказались за полную замену понятых обязательной видеофиксацией, а 50% допустили такую замену с сохранением понятых лишь по наиболее важным следственным действиям. Таким образом, 67% респондентов в той или иной степени поддерживают расширение применения технических средств фиксации².

Таким образом, система иных участников уголовного судопроизводства, закрепленная в гл. 8 УПК РФ, представляет собой структурно сложное и функционально разнородное образование. Несмотря на различия, всех иных участников уголовного судопроизводства объединяет вспомогательная по отношению к основным субъектам (суд, стороны) роль и формальная

¹ Митрясова А.С. К вопросу о проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве РФ // Молодой ученый. 2018. № 18 (204). С. 252-253.

² См.: Приложение 1.

незаинтересованность в исходе дела. Их процессуальный статус, включающий специфические права, обязанности и гарантии, является необходимым инструментарием для создания условий состязательности, установления объективной истины и защиты прав личности, что в конечном итоге служит выполнению назначения уголовного судопроизводства, сформулированного в ст. 6 УПК РФ.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ПРОИЗВОДСТВУ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ИНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Процессуальный порядок и организационные основы участия сведущих лиц в уголовно-процессуальной деятельности

Порядок процессуального привлечения эксперта к участию в уголовном судопроизводстве носит дифференцированный характер и детально регламентирован в зависимости от стадии процесса, что обусловлено различиями в функциональных задачах досудебного и судебного производства.

На стадии предварительного расследования ключевым инициатором и организатором экспертизы выступает следователь, который, признав необходимость специальных познаний, возбуждает перед судом ходатайство, включающее в себя следующие сведения:

- основания назначения судебной экспертизы;
- фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза (в последнем случае руководитель экспертного учреждения самостоятельно поручит производство экспертизы конкретному эксперту или комиссии экспертов);
- вопросы, поставленные перед экспертом;
- материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта (ч. 1 ст. 195 УПК РФ).

В исключительных случаях, когда производство судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы требует помещения обвиняемого (подозреваемого), не находящегося под стражей, в медицинский стационар, следователь обращается в суд с соответствующим ходатайством, тем самым

обеспечивая судебный контроль за ограничением конституционных прав личности (п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

Непосредственно перед началом производства экспертного исследования следователь обязан предупредить эксперта об уголовной ответственности по ст. 307 (заведомо ложное заключение) и 310 (разглашение данных предварительного расследования) УК РФ.

Особого внимания заслуживает вопрос о привлечении эксперта, не являющегося государственным судебным экспертом. В этом случае суд, следуя разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, обязан предпринять дополнительные меры по проверке его профессиональной компетентности. В определение о назначении экспертизы включаются сведения об образовании, специальности, стаже и квалификации привлекаемого лица, а при необходимости к материалам дела приобщаются заверенные копии соответствующих документов. Если эксперт не работает в государственном судебно-экспертном учреждении, обязанность по разъяснению ему прав и обязанностей, предусмотренных ст. 57 УПК РФ, в полном объеме возлагается на суд, что подчеркивает его ответственность за обеспечение надлежащего качества экспертного исследования¹.

Включение специалиста в уголовно-процессуальные отношения осуществляется через «вызов» и «привлечение» его должностными лицами (следователем – ст. 168 УПК РФ, и судом – ст. 251 УПК РФ) и защитником, однако сам порядок не регламентируется действующей редакцией УПК РФ.

Термин «вызов» подразумевает императивное веление, обеспеченное обязанностью специалиста явиться по вызову дознавателя, следователя или суда и ответственностью за уклонение (ч. 4 ст. 58 УПК РФ). Понятие «привлечение», используемое, в частности, в контексте следственных действий (ст. 168 УПК

¹ О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131884/ (дата обращения: 29.01.2029).

РФ), носит более широкий характер и может включать как вызов, так и иную форму инициации участия.

Привлекая специалиста, следователь или суд не может ограничиться лишь его формальным вызовом. Необходимо убедиться в его квалификации, выяснить, нет ли личных связей с участниками процесса, которые могут повлиять на объективность, и подробно проинструктировать о всех аспектах предстоящей работы. Особенностью судебной стадии является письменное оформление этого инструктажа – специалист дает подписку, которая становится частью протокола¹.

Участие переводчика в уголовном судопроизводстве является обязательным, если кто-либо из его участников не владеет или недостаточно владеет языком процесса. Пренебрежение этим требованием представляет собой безусловное основание для отмены или изменения судебного акта (п. 5 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ).

Так, яркой иллюстрацией служит дело обвиняемого Д., чье ходатайство о предоставлении переводчика чеченского языка было отклонено следователем. Адвокат К.М.И. обжаловал это решение, хотя Якутский городской суд первоначально оставил жалобу без удовлетворения, Верховный Суд Республики Саха (Якутия) в апелляционном порядке признал отказ нарушением права на защиту. В результате были отменены как судебное постановление, так и первоначальное решение следователя.

Обязанность по обеспечению участия переводчика возлагается на следователя и суд (ст. 169, 263 УПК РФ). Перед началом процессуального действия уполномоченное лицо обязано удостовериться в квалификации переводчика и разъяснить ему права, обязанности и ответственность согласно ст. 59 УПК РФ.

При этом ключевой проблемой остается отсутствие законодательно закрепленных критериев компетентности переводчика. В научной среде

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Н.А. Петухова, Г.И. Загорского. М., 2023. С. 46

предлагаются различные подходы к их определению. Так, программа НГЛУ им. Н.А. Добролюбова фокусируется на профессиональных навыках, включая:

- умение оперативно выделять ключевую информацию;
- способность к быстрому переключению между языками и темами;
- навыки преодоления лексических затруднений через синонимичные замены или описательный перевод;
- у

ч Другой исследователь, О.Ю. Кузнецова, дополняет эти требования формально-биографическими условиями, такими как: постоянное проживание на территории РФ, общая этническая принадлежность с участником процесса, получение образования в схожей этнической среде и наличие аккредитованного высшего образования². Однако выдвижение этнических критериев представляется спорным. Это может, во-первых, породить необъективность переводчика в силу общности происхождения с участником дела, а во-вторых, неоправданно сузить круг доступных специалистов, создав практические трудности в обеспечении правосудия. Проведенное автором анкетирование подтвердило остроту данной проблемы. Так, 33% респондентов регулярно сталкиваются со сложностями привлечения квалифицированного переводчика (по редким языкам или диалектам) более чем по 50% дел с участием иностранных граждан, а 42% – периодически (в 20–30% таких дел). Таким образом, 75% опрошенных подтверждают наличие кадрового дефицита в сфере лингвистического обеспечения уголовного процесса. Кроме того, 42% отметили, что иногда испытывают трудности при разграничении компетенции эксперта и специалиста³.

т Таким образом, вовлечение сведущих лиц в уголовный процесс носит дифференцированный характер, регламентированный УПК РФ применительно к т

У ¹ Программа по теории и практике перевода / сост. С.А. Семко [и др.]. Нижний Новгород, 1999. С. 44-45.

С ² Кузнецов О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве. М., 2006. С. 60-61.

³ См.: Приложения 1.

специфике статуса каждого участника, механизм привлечения каждого отражает его процессуальную функцию и служит достижению целей правосудия.

§ 2. Правовая природа и современная роль института понятых в уголовном судопроизводстве России

Институт понятых, закрепленный в УПК РФ, представляет собой уникальный процессуальный механизм, призванный обеспечить внешний, публичный контроль за законностью и корректностью проведения ключевых следственных действий. Его сохранение и трансформация в современном законодательстве обусловлены глубокой теоретической и практической необходимостью. В научной доктрине подчеркивается, что институт понятых выступает дополнительной гарантией установления объективной истины, компенсируя несовершенства следственной и судебной систем, которые, по признанию исследователей, «еще далеки до идеального» и допускают немало нарушений¹. Таким образом, фигура понятого выполняет не столько удостоверительную, сколько легитимирующую функцию, призванную противодействовать возможным злоупотреблениям и придавать действиям следствия большую убедительность и открытость. Как отмечают В.А. Семенцов и А.Р. Белкин, сам факт сохранения этого института в УПК РФ свидетельствует о «форме недоверия объективности следователя»², что актуализирует его роль в системе сдержек и противовесов в досудебном производстве.

Современная правовая регламентация данного института, претерпевшая значительные изменения после принятия Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, демонстрирует тенденцию к его рационализации. Законодатель отказался от универсального обязательного участия понятых, перейдя к

¹ Багаутдинов Ф.Н. Институт понятых: совершенствовать, а не упразднить // Законность. 2022. № 4. С. 53.

² Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов / А.Р. Белкин. – 2-е изд., испр. и доп. М., 2025. С. 453.

дифференцированной модели¹. В соответствии со ст. ст. 182, 183, 184, 193 УПК РФ их присутствие является строго обязательным лишь при производстве обыска, личного обыска и предъявления для опознания – действий, традиционно связанных с высоким уровнем вмешательства в права граждан и потенциальных спорных ситуаций. Для других процессуальных действий (осмотр, выемка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте и др.) привлечение понятых оставлено на усмотрение следователя, что повышает гибкость процесса. При этом законодатель предусмотрел исключительные случаи, когда даже обязательные действия могут проводиться без понятых. К примеру, в труднодоступной местности, при отсутствии средств сообщения или опасности для жизни и здоровья людей. Критически важной компенсаторной мерой в таких ситуациях выступает обязательное использование технических средств фиксации (видеозаписи, фотографирования), а при их отсутствии – детальная запись в протоколе с указанием причин².

Это свидетельствует о формировании законодательной альтернативы в виде «технического понятого».

Однако практическая реализация института сталкивается с комплексом системных проблем, ставящих под сомнение его эффективность и порождающих дискуссию о его будущем. Ключевые проблемы можно структурировать следующим образом:

организационно-кадровая проблема. Процесс поиска двух незаинтересованных и соответствующих законным критериям лиц (совершеннолетие, отсутствие связи с участниками процесса или правоохрнительными органами) зачастую сопряжен со значительными временными затратами, что может препятствовать оперативности расследования. Низкая правовая культура и гражданская

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 123-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 февраля 2013г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 20 февраля 2013 г. // Рос. газ. – 2013. – 3 марта.

² Никулина В.В. Роль института понятых в уголовном процессе России // Молодой ученый. 2020. № 40 (330). С. 140.

активность населения, а также опасения, связанные с возможным последующим вызовом в суд, приводят к массовому нежеланию граждан выступать в этой роли. Предлагаемые в литературе решения, такие как создание баз «дежурных понятых» из числа студентов-юристов или отставных сотрудников, критикуются за создание риска их зависимости от следователя и утраты статуса незаинтересованного лица.

проблема пассивности и формализма. Реальная процессуальная роль понятых зачастую сводится к механическому удостоверению протокола подписью, без глубокого понимания сути происходящего и активного наблюдения за соблюдением процедуры. Такое формальное отношение, как справедливо указывается в литературе, губит важнейший аспект доказывания – этап фиксации доказательств, превращая понятого из контролера в «статиста», легитимизирующего любые действия следователя¹. В случае вызова такого понятого в суд его показания, данные по прошествии времени, часто носят расплывчатый характер и не способны внести ясность, а иногда лишь усиливают сомнения в объективности проведенного действия.

онкурентное давление технологий. Наиболее значимым трендом, определяющим эволюцию института, является его постепенное вытеснение современными техническими средствами фиксации. Видеозапись в высоком разрешении, панорамная фотосъемка, применение беспилотных летательных аппаратов (квадрокоптеров) обеспечивают беспристрастную, полную, детальную и обозримую в динамике фиксацию обстановки и хода действия. За последние годы обсуждается и активизируется применение беспилотных летающих аппаратов (далее – БПЛА), например, квадрокоптеров². В практике военных следственных органов – среде с минимальным количеством лиц, подпадающих под критерии понятого, – использование технических средств фиксации хода и результатов следственных действий, в том числе квадрокоптеров, получает всю

¹ Белоусов А.В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М., 2001. С. 110.

² Элтеко К.С. К вопросу об использовании современных технологий при расследовании и раскрытии преступлений // Молодой ученый. 2021. № 21 (363). С. 320.

большую популярность: в 2018 г. военные следователи воспользовались квадрокоптерами 39 раз для производства фотофиксации, а также 50 раз – для видеофиксации хода и 54 результатов следственного действия (осмотра места происшествия); в 2019 г. зафиксировано 56 актов использования квадрокоптера для фотосъёмки и 77 раз – для видеосъёмки¹. Технические средства лишены субъективизма, их данные могут быть неоднократно проверены экспертами, а их применение все чаще рассматривается как более надежная альтернатива свидетельству случайных людей.

Так, 42% опрошенных указали, что сталкиваются с трудностями привлечения понятых регулярно, почти в каждом втором случае, а 33% – периодически. Лишь 8% никогда не испытывали подобных проблем.

При оценке эффективности института понятых 50% отметили, что он эффективен лишь частично и часто носит формальный характер, а 25% прямо заявили о его неэффективности, подчеркнув, что понятые не вникают в суть следственного действия. Таким образом, 75% опрошенных оценили институт понятых как частично или полностью неэффективный.

Таким образом, институт понятых в современном российском уголовном процессе находится в состоянии напряженного равновесия между традиционной идеей «народного контроля» и требованиями эффективности, оперативности и технологического прогресса. Несмотря на закрепленные законом гарантии и сохраняющуюся теоретическую значимость, его практическая значимость снижается под влиянием пассивности самих понятых, организационных сложностей и, главное, конкуренции с объективными техническими средствами фиксации. Это закономерно активизирует в науке дискуссию о необходимости дальнейшей модернизации процессуальной формы, возможно, в направлении расширения сферы обязательного применения видеофиксации как основного

¹ Иванов Д.С. Применение правоохранительными органами беспилотных летальных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений // Исследования молодых ученых. 2020. С. 37; Кузнецов С.Е. Виды, приемы и методы криминалистической аэросъемки // Криминалистика - прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития. 2019. С. 328.

средства обеспечения прозрачности следственных действий, оставляя институт понятых для особых, социально и юридически значимых случаев.

§ 3. Проблемы процессуального положения свидетеля

Правовой статус свидетеля в уголовном судопроизводстве представляет собой сложную, гарантированную государством систему взаимосвязанных прав, обязанностей, ответственности и особых процессуальных гарантий. Его ядро, закрепленное в ст. 56 УПК РФ, формируется вокруг обязанности явиться по вызову и дать правдивые показания. В то же время, как справедливо отмечает М.М. Шейфер, уголовно-процессуальный статус свидетеля не сводится лишь к набору предписаний и запретов, а призван создавать необходимые условия для добросовестного исполнения им своей главной обязанности – способствовать правосудию¹. Данная цель достигается посредством предоставления свидетелю широкого спектра прав, включая право не свидетельствовать против себя и близких родственников (ст. 51 Конституции РФ), право на переводчика, право заявлять ходатайства и приносить жалобы, а также право пользоваться юридической помощью.

Эволюция статуса свидетеля в последние десятилетия демонстрирует две ключевые тенденции. Первая тенденция свидетельствует о последовательном расхождении круга лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. Так, если изначально он охватывал судей, присяжных заседателей, адвокатов и священнослужителей, то позднее был распространен на депутатов, членов Совета Федерации, а с 2015 года – на должностных лиц налоговых органов и арбитров (третейских судей), а с 2020 года – на Уполномоченного по правам человека. Данная динамика, как указывает Л.Н. Масленникова, отражает поиск баланса между публичным интересом в получении доказательств и

¹ Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. С. 114.

необходимостью защиты автономии личности, доверительных отношений в специфических сферах профессиональной и публичной деятельности¹.

В соответствии со второй тенденцией наблюдается усложнение системы гарантий безопасности свидетеля, что привело к появлению целого комплекса специальных процедур: допрос под псевдонимом (ст. 166 УПК РФ), контроль и запись переговоров при угрозах (ст. 186 УПК РФ), опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым (ст. 193 УПК РФ), закрытое судебное заседание и допрос свидетеля без визуального наблюдения сторонами (ст. 241, 278 УПК РФ). Эти меры, безусловно, направлены на реализацию принципа охраны прав и свобод человека (ст. 11 УПК РФ), но их применение порождает сложнейшие процессуальные коллизии.

В части обеспечения явки свидетелей 33% респондентов заявили, что сталкиваются с неявкой свидетелей постоянно, а 42% – часто. Таким образом, 75% опрошенных регулярно испытывают затруднения, связанные с уклонением свидетелей от исполнения процессуальной обязанности.

При оценке достаточности мер ответственности, предусмотренных ст. 307 и 308 УК РФ, 50% указали на их недостаточную эффективность, высказавшись за необходимость более строгих санкций. Примечательно, что 17% сочли существующие меры избыточными, создающими давление на свидетеля².

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, реализация уголовно-процессуального статуса свидетеля сопряжена с комплексом проблем, решение которых необходимо для современного уголовного процесса.

Первая проблема, которую хотелось бы затронуть, связана с обеспечением безопасности свидетеля в уголовном процессе. Безопасность свидетеля обеспечивается рядом уголовно-процессуальных правил. В первую очередь понятие безопасности исходит из принципа уголовного судопроизводства как охрана прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ), где указано, что

¹ Масленникова Л.Н. К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2020. №3. С. 35.

² См.: Приложение 1.

при наличии достаточных данных о том, что свидетелю, а также близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции меры безопасности. К таким мерам относятся допрос свидетеля с сокрытием данных о его личности (ст. 166 УПК РФ), производство контроля и записи переговоров при угрозах свидетелю (ст. 186 УПК РФ), опознание свидетелем без визуального наблюдения (ст. 193 УПК РФ), закрытое судебное разбирательство (ст. 241 УПК РФ) и допрос свидетеля в суде без его открытого наблюдения (ст. 278 УПК РФ).

Данные нормы на стадии предварительного расследования, а особенно в процессе судебного следствия, всегда создают проблемы для доказывания обстоятельств дела. Причем эти проблемы изначально относимы к представителям стороны защиты, которые часто указывают на злоупотребление правом при отказе органами следствия и суда представлять интересы свидетеля. В то же время органы предварительного следствия и дознания, поддерживая интересы свидетеля на его безопасность, могут найти более широкие основания для сокрытия его личности, чем те, которые указаны в ст. 11 УПК РФ. Однако нельзя не сказать и об интересах самих свидетелей как форме осознания своих потребностей в реализации предоставленных законом процессуальных прав, расширении действия таких прав либо увеличении их объема законодательно закрепленными средствами и методами, когда это касается обеспечения их безопасности¹.

Но прежде, чем представить ряд предложений относительно процессуальных норм, касающихся безопасности свидетелей, следует указать значение открытых свидетельских показаний исходя из принципа гласности

¹ Мамошин А. А. Процессуальное положение свидетеля и проблемы его безопасности в уголовном судопроизводстве // Закон и право. 2023. № 11. С. 234.

уголовного судопроизводства. Как мы подчеркивали, особенностью уголовного процесса, в отличие, допустим, от гражданского, является доминирование свидетельских показаний при доказывании обстоятельств преступления и виновности преступника. Соответственно, сокрытие личности свидетеля должно быть исключительным случаем, а при определенных ситуациях просто невозможным.

В этой связи п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» определяет, что «в соответствии с подпунктом «е» пункта 3 статьи 14 Пакта о гражданских и политических правах и подпунктом пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, а также имеет право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него¹. С учетом этих положений и в силу ч. 21 ст. 281 УПК РФ суд не вправе оглашать без согласия сторон показания неявившихся потерпевшего или свидетеля, воспроизводить в судебном заседании материалы видеозаписи или киносъемки следственных действий, проведенных с их участием, а также ссылаться в приговоре на эти доказательства, если подсудимому в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена возможность оспорить показания указанных лиц предусмотренными законом способами (например, в ходе очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями подсудимый не согласен, и высказать по ним свои возражения)».

Комментируя цитируемое положение постановления Пленума Верховного Суда РФ, следует отметить, что в данном случае на весы правосудия ставятся, с одной стороны, интересы подсудимого (обвиняемого), с другой стороны,

¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 (ред. от 09.12.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/ (дата обращения: 29.01.2026).

интересы безопасности свидетеля. И из этого должно следовать, что если невозможно обеспечить права свидетеля на безопасность как часть его прав в качестве гражданина и человека, то это должно идти в пользу прав обвиняемого, как этого требует ст. 49 Конституции РФ. В частности, на это указывают и решения Конституционного Суда РФ, где сказано, что сомнения, возникающие при оценке оглашенных в суде показаний на предмет их допустимости и достоверности, в силу ч. 3 ст. 49 Конституции РФ должны истолковываться в пользу обвиняемого. В данном случае оглашение показаний неявившихся свидетелей мы рассматриваем аналогично показаниям свидетелей, личность которых скрыта.

На основании изложенных нами суждений, положений Конституции РФ и УПК РФ, а также толкования этих положений Верховным Судом РФ считаем необходимым внести в ст. 11 УПК РФ следующее дополнение: «Соккрытие личности свидетеля является исключительным случаем и не должно воспрепятствовать доказыванию обстоятельств дела. Обвиняемому (подсудимому) должна быть предоставлена возможность оспорить показания свидетелей, прямо свидетельствующих против него по предъявленному обвинению, при наличии всех данных об их личности. В этом случае, при невозможности обеспечить безопасность свидетеля по уголовному делу, его показания исключаются». Так, 58% опрошенных согласились, что соккрытие личности свидетеля (допрос под псевдонимом, опознание без визуального наблюдения) допустимо, но может нарушать право обвиняемого на защиту и состязательность процесса. Лишь 8% полагают, что безопасность свидетеля безусловно важнее, а 25% не сталкивались с необходимостью применения таких мер. Данные результаты обосновывают внесенное автором предложение о дополнении ст. 11 УПК РФ¹.

Кроме того, исходя из ч. 6 ст. 56 УПК РФ свидетель имеет процессуальные обязанности, сформулированные как то, что он не вправе делать. На основании названной нормы обязанности свидетеля состоят в обязательной явке по вызову

¹ См.: Приложение 1.

следователя, дознавателя или суда, даче правдивых показаний и неразглашении ранее данных показаний в случае предупреждения об этом в порядке ст. 161 УПК РФ. Разумеется, невыполнение перечисленных обязанностей должно влечь в отношении свидетелей соответствующую юридическую ответственность.

В сфере уголовно-процессуальных отношений юридическая ответственность свидетеля основывается на уголовно-процессуальном правонарушении, о котором П.С. Элькинд писала, что фактическим основанием ответственности может быть уголовно-процессуальное правонарушение, то есть поведение, запрещенное нормами данной отрасли права¹. В.С. Вепрев в своей монографии также в основном указывает на основания уголовно-процессуальной ответственности за правонарушения, совершаемые участниками уголовного судопроизводства, классифицируя эти правонарушения в виде нарушения прав и злоупотребления правами². Однако в данном случае, хотя речь идет об уголовно-процессуальных обязанностях свидетеля, санкции за их невыполнение должны быть уголовно-правовыми в силу наличия повышенной общественной опасности совершаемых деяний в области правосудия.

Правовая ответственность за неявку свидетеля к следователю, дознавателю или в суд состоит только в организации привода свидетеля как меры уголовно-процессуального принуждения (ст. 113 УПК РФ) или в административном штрафе согласно ст. 117-118 УПК РФ. В то же время мы считаем, что неявка свидетеля по вызову в органы предварительного расследования или суда, если форма вызова выполнена в надлежащем виде, - это способ отказа от дачи показаний, за что должна быть предусмотрена ответственность по ст. 308 УПК РФ, то есть именно за отказ от дачи показаний. Иными словами, важность показаний свидетелей по уголовному делу должна обеспечиваться соответствующими мерами и механизмами уголовно-правовой ответственности с учетом интересов правосудия.

¹ Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в уголовно-процессуальном праве. Ленинград. 1967. С. 76.

² Вепрев В.С. Основания уголовно-правовой ответственности. М., 2007. С. 198.

Более сложная ситуация имеет место при даче свидетелем заведомо ложных показаний, за что предусмотрена уголовная ответственность по ст. 307 УПК РФ. Во-первых, следует отметить, что по этой статье привлекается очень мало лиц, например, в 2022 г. всего 313 человек, что при 776,3 тыс. уголовных дел, рассмотренных судами, составляет самое минимальное количество. Однако, во-вторых, понятие заведомо ложных показаний, на наш взгляд, подлежит оценке только при наличии приговора, вступившего в законную силу. На сегодняшний день такого нет. Более того, Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» дал противоречивый комментарий. В п. 25 постановления указано об оценке показаний свидетеля с точки зрения достоверности в решении по уголовному, гражданскому или иному делу, а в п. 27 говорится, что преступление, предусмотренное ст. 307 УК РФ, является оконченным. Так, в отношении заведомо ложных показаний, сообщаемых в ходе предварительного расследования, - с момента подписания допрашиваемым лицом (либо удостоверения факта отказа от подписания или невозможности подписания) протокола следственного действия, составленного дознавателем, следователем либо иным должностным лицом, действующим по их поручению; в отношении заведомо ложных показаний в судебном заседании - с момента окончания допроса¹.

Вместе с тем понятие ложности показаний свидетеля при отсутствии приговора, вступившего в законную силу, нарушает принцип состязательности уголовного судопроизводства, предусмотренный ст. 15 УПК РФ, что окончательно устанавливается только в суде. В этом случае могут быть варианты окончательных судебных решений – оправдательный приговор или направление уголовного дела на доследование прокурору с последующим его прекращением за отсутствием состава преступления. Известно, что в уголовном процессе, как и

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420839/ (дата обращения: 29.01.2026).

в целом в праве, соблюдение правового порядка расследования и разрешения уголовного дела является такой же важной задачей, как раскрытие преступления и изобличение виновных в его совершении, что говорит о соблюдении законности при расследовании преступлений¹.

Однако приведенное нами толкование Верховного Суда РФ об окончании преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, сразу после подписания допрашиваемым протокола следственного действия может иметь место как фактически оказание давления на свидетеля, с тем чтобы он дал следователю требуемые показания. На наш взгляд, ответственность по ст. 307 УК РФ в отношении свидетеля за заведомо ложные показания возможна только после вступления приговора в законную силу. Причем сроки давности ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, в отношении свидетелей будут отсчитываться именно с этой даты, поскольку именно использование показаний свидетелей при судебном рассмотрении уголовного дела будет образовывать полный состав преступления.

Таким образом, процессуальный статус свидетеля в российском уголовном судопроизводстве представляет собой сложный, динамичный правовой институт, эффективность которого напрямую определяет качество доказывания и легитимность итогового решения. Существующие проблемы носят системный характер и лежат в плоскости коллизии конституционных прав, несовершенства юридических конструкций и адаптации традиционных процедур к современным реалиям. Их решение видится не только в точечных изменениях закона (например, расширении права на адвоката), но и в формировании последовательной правоприменительной практики, основанной на приоритете принципов справедливого судебного разбирательства и поиске баланса между публичным интересом в изобличении преступника и защитой прав личности, вовлеченной в уголовный процесс.

¹ Мельников В.Ю. Суд в условиях состязательности уголовного процесса // Доказывание и принятие решений в современном уголовном процессе. 2011. С. 119.

§ 4. Особенности уголовного-процессуального статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения

Анализ эволюции уголовно-процессуального законодательства показывает, что внесение изменений в УПК РФ не всегда отличается структурно-логической последовательностью. Одним из наиболее показательных примеров является появление в российском судопроизводстве фигуры, предусмотренной ст. 56.1 УПК РФ, — лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Как обоснованно отмечается в доктрине, история возникновения данного участника связана с серией решений двух судов: Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), что предопределило сложность и дискуссионность его правового статуса¹.

Определяющим импульсом для реформирования стало постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П по жалобе гражданина Д.В. Усенко. Принимая решение, Конституционный Суд РФ опирался в том числе на правовые позиции ЕСПЧ, в частности на постановление от 23 февраля 2016 г. по делу «Навальный и Офицеров против России»². Европейский суд последовательно развивает автономную концепцию «свидетеля», согласно которой для обеспечения справедливости судебного разбирательства (ст. 6 Конвенции) любое физическое лицо, независимо от его формального статуса, дающее показания, должно иметь возможность быть подвергнутым перекрестному допросу. Как указано в постановлении ЕСПЧ от 27 февраля 2001

¹ Азаренок Н.В. Эволюция уголовно-процессуального доказывания виновности лица по «основному» уголовному делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (к 10-летию введения в действие гл. 40.1 УПК РФ) // Уголовное право. 2019. № 4. С. 8.

² По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко: постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202199/ (дата обращения: 29.01.2026).

г. по делу «Лука против Италии», «тот факт, что показания были даны обвиняемым, а не свидетелем, не имеет значения», если они являются основой для обвинительного приговора. Вместе с тем, как справедливо заключают процессуалисты, подходы Конституционный Суд РФ и ЕСПЧ в оценке влияния досудебного соглашения о сотрудничестве на достоверность показаний различаются. Так, если ЕСПЧ рассматривает такое соглашение как фактор стабильности первоначальных показаний, то Конституционный Суд РФ – как дополнительную гарантию, подкрепленную угрозой расторжения соглашения и применения более строгого наказания.

В постановлении № 17-П Конституционный Суд РФ пришел к ключевому выводу, что лицо, являющееся обвиняемым по выделенному уголовному делу, не может участвовать в основном деле ни в статусе свидетеля (в силу принципа презумпции невиновности и права на защиту), ни в статусе подсудимого (поскольку уголовное преследование в отношении него выделено). Суд предложил концепцию «фактического положения лица», указав, что принципиально важным является не наименование участника, а регламентация процедуры его допроса и правовое значение полученных показаний¹. В развитие данной позиции Федеральным законом от 30.10.2018 № 376-ФЗ в УПК РФ была введена ст. 56.1, закрепившая нового участника уголовного судопроизводства.

Анализ ст. 56.1 УПК РФ позволяет выделить ключевые особенности процессуального статуса указанного лица. Данный участник обладает смешанной правовой природой, поскольку не является ни свидетелем, ни подсудимым, а привлекается к участию в основном деле исключительно для дачи показаний в отношении соучастников преступления. Порядок его вызова и допроса осуществляется по правилам, установленным для свидетеля (ст. 187–190 УПК РФ), а именно с применением процедур перекрестного и непосредственного допроса. При этом ключевое отличие от свидетеля состоит в

¹ Осипов А.Л. Процессуальное значение и правила оценки показаний соучастников подсудимых: конституционно-правовые и международно-правовые аспекты // Адвокат. 2016. № 9. С. 6-9.

том, что данное лицо не предупреждается об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний. Вместо этого для него действует иной механизм санкций, а именно при даче заведомо ложных показаний или сокрытии существенных сведений к нему применяются последствия, предусмотренные гл. 40.1 УПК РФ, включая расторжение соглашения, отмену приговора и назначение более строгого наказания. В части объема прав данное лицо наделяется правами свидетеля (ч. 4 ст. 56 УПК РФ), однако не несет обязанностей свидетеля в части ответственности за отказ от дачи показаний.

Несмотря на формальную определенность, неоднократно подтвержденную Конституционным Судом РФ (в том числе в определениях от 24.06.2021 № 1348-О, от 24.02.2022 № 270-О), процессуальное положение данного участника продолжает вызывать острые дискуссии в науке и правоприменительной практике. В доктрине высказываются разные позиции: от признания «заинтересованным свидетелем» до вывода о сохранении за ним элементов обвиняемого статуса¹. Основные проблемы связаны с отсутствием системности в законодательной регламентации, в частности с помещением ст. 56.1 в гл. 8 «Участники уголовного судопроизводства» без учета специфики его функций, а также с возможностью использования показаний, данных этим лицом до заключения соглашения, то есть в статусе подозреваемого или обвиняемого

Интересен в этом контексте сравнительно-правовой опыт Германии. Как отмечает В. Бойльке, УПК ФРГ и доктрина также сталкиваются с дилеммой: может ли сообвиняемый после выделения дела в отдельное производство давать показания в качестве свидетеля. Немецкая судебная практика исходит из того, что препятствие для допроса отпадает с разъединением дел. Однако существует и материальный подход, согласно которому лицо, подозреваемое в соучастии, не

¹ Белоусова И.В. Каков статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство? // Российский следователь. 2022. № 8. С. 11; Бояринцев А.А. «Заинтересованный» свидетель – особенности правового положения // Законность. 2022. № 10. С. 11.

может быть свидетелем в «своем» процессе, даже формально выделенном¹. Российский законодатель, в отличие от немецкого, пошел по пути создания гибридного статуса, что не снижает, а скорее умножает число процессуальных рисков.

Продолжающееся разнообразие доктринальных позиций и неоднородность судебной практики, по справедливому замечанию ряда авторов, свидетельствуют о необходимости принятия разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а в перспективе – более детальной регламентации в УПК РФ всех элементов статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве². Без этого существует риск нарушения баланса между необходимостью изобличения соучастников преступления и фундаментальными гарантиями права на защиту и справедливое судебное разбирательство.

¹ Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник / В. Бойльке ; пер. с нем. Я.М. Плошкиной; под ред. Л.В. Майоровой. 6-е изд. Красноярск, 2004. С. 118-119.

² Чурилов С.Н. О некоторых вопросах института досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 6. С. 4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное исследование института иных участников уголовного судопроизводства позволяет сформулировать ряд ключевых выводов, обобщающих теоретические и практические аспекты их уголовно-процессуального положения, роли и значения в современном уголовном процессе Российской Федерации.

Институт иных участников, впервые кодифицированный в главе 8 УПК РФ, представляет собой неотъемлемый структурный элемент состязательной модели процесса, обеспечивающий достижение его назначения. Историко-правовой анализ эволюции статуса свидетеля, сведущих лиц, понятого и переводчика демонстрирует сложный, нелинейный путь развития от архаичных форм в древнем и средневековом праве к современному синтезу, сочетающему либеральные гарантии, советский инструментарий и международные стандарты прав человека.

Система иных участников, закрепленная в УПК РФ, является функционально разнородной, но внутренне целостной. На основе критерия доказательственного значения их можно дифференцировать на две группы:

- лица, формирующие доказательства (свидетель, лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, эксперт, специалист);
- лица, обеспечивающие надлежащую процедуру (переводчик, понятой).

Несмотря на различия, всех их объединяет вспомогательная по отношению к основным субъектам (суд, стороны) роль и формальная незаинтересованность в исходе дела.

В ходе исследования выявлен комплекс актуальных проблем правового регулирования и правоприменительной практики, связанных с участием рассматриваемых субъектов:

статус свидетеля, будучи детально регламентированным, сталкивается с острыми коллизиями при реализации мер безопасности. Применение процедур, скрывающих личность свидетеля (ст. 166, 278 УПК РФ), зачастую вступает в

противоречие с правом обвиняемого на очную ставку и принципом состязательности (ст. 15 УПК РФ). Для разрешения данного конфликта необходим взвешенный подход, предполагающий, что сокрытие личности является исключительной мерой и не должно безоговорочно блокировать возможность стороны защиты оспорить показания. Также требует уточнения момент окончания состава преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ (заведомо ложные показания), который логичнее связывать с использованием этих показаний для постановления приговора, а не с фактом подписания протокола допроса.

институт понятых переживает системный кризис эффективности. Сохранение обязательного участия понятых при обыске, личном обыске и опознании, с одной стороны, служит формальной гарантией публичности, а с другой – на практике часто вырождается в формальность из-за пассивности граждан, организационных сложностей их привлечения и непонимания ими своей роли. Законодательная тенденция к замене понятых обязательной видеофиксацией в исключительных случаях (ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ) указывает на перспективу постепенного вытеснения этого института современными техническими средствами.

процессуальный статус лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, несмотря на его законодательное закрепление в ст. 56.1 УПК РФ, продолжает носить пограничный характер, сочетая элементы положения обвиняемого и свидетеля. Данный фактор порождает доктринальные дискуссии о его точной правовой природе и указывает на необходимость дальнейшего совершенствования данной уголовно-процессуальной фигуры.

привлечение сведущих лиц (эксперта, специалиста, переводчика) требует повышенного внимания к проверке их профессиональной компетенции. Отсутствие законодательно закрепленных четких критериев квалификации переводчика, безусловно, создает риски для реализации принципа языка судопроизводства. Расширение практики привлечения специалиста по инициативе защиты (до 76% случаев) является позитивным признаком реальной

состязательности, однако нуждается в обеспечении процессуального равенства сторон на стадии назначения и проведения исследований.

Роль и значение иных участников в уголовном судопроизводстве невозможно переоценить. Они выступают важнейшими источниками доказательственной информации (показания, заключения), без которой установление объективной истины по уголовному делу часто невозможно. Кроме того, они выполняют ключевую гарантийную функцию, связанную с обеспечением состязательности, законности следственных действий, реализации конституционных прав участников процесса, а также охраны прав и свобод личности.

В итоге можно констатировать, что эффективное функционирование института иных участников уголовного судопроизводства выступает одним из необходимых условий для реализации принципов состязательности, равноправия сторон и достижения справедливости в уголовном процессе. Постоянный научный анализ, законодательная оптимизация и совершенствование правоприменительной практики в этой сфере являются залогом укрепления законности и усиления защиты прав личности в российском уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 1-ФКЗ и др.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.01.2026).

2. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: : федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 123-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 февраля 2013г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 20 февраля 2013 г. // Рос. газ. – 2013. – 3 марта.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 9 октября 2018 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 октября 2018 г. // Рос. газ. – 2018. – 3 декабря.

4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420839/ (дата обращения: 29.01.2026).

Учебная, научная литература и иные материалы

заренок, Н.В. Эволюция уголовно-процессуального доказывания виновности лица по «основному» уголовному делу при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (к 10-летию введения в действие гл. 40.1 УПК РФ) / Н.В. Азаренок // Уголовное право. – 2019. – № 4. – С. 6–11.

Александрова, О.П., Буданова, Л.Ю. Некоторые проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве / О.П. Александрова, Л.Ю. Буданова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 3. – С. 80–88.

Багаутдинов, Ф.Н. Институт понятий: совершенствовать, а не упразднить / Ф.Н. Багаутдинов // Законность. – 2022. – № 4. – С. 50–53.

Баиров, А.Т., Попова, Е.И. Некоторые аспекты становления и развития современного состояния института понятий / А.Т. Баиров, Е.И. Попова // Современные проблемы теории и практики глазами молодых исследователей. – 2016. – № 1. – С. 194–198.

Безруков, С.С. Проблемы реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации в уголовном судопроизводстве / С.С. Безруков // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3 (90). – С. 78–87.

Белкин, А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве : учебник для вузов / А.Р. Белкин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 471 с.

Белоусов, А.В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. – Москва: Юрлитинформ, 2001. – 174 с.

Белоусова, И.В. Каков статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство? / И.В. Белоусова // Российский следователь. – 2022. – № 8. – С. 10–15.

Бояринцев, А.А. «Заинтересованный» свидетель – особенности правового положения / А.А. Бояринцев // Законность. – 2022. – № 10. – С. 9–13.

Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник / В. Бойльке; пер. с нем. Я.М. Плошкиной; под ред. Л.В. Майоровой. – 6-е изд. – Красноярск: Красноярский государственный университет, 2004. – 322 с.

Вепрев, В.С. Основания уголовно-правовой ответственности / В.С. Вепрев. – Москва: Юрлитинформ, 2007. – 232 с.

Вышинский, А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1950. – 308 с.

Горюнов, Ю.И. Судебная экспертиза в современном уголовном судопроизводстве:

правовое регулирование и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Горянов Юрий Игоревич. – Москва, 2006. – 208 с.

лагина, Е.В. Институт специальных знаний в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 115 с.

льджаров, А.Р. История развития отечественного законодательства о свидетеле и его показаниях в уголовном судопроизводстве / А.Р. Ельджаров // Молодой ученый. – 2023. – № 17 (464). – С. 355–358.

рмошин, В.В. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. – Москва: Наука, 1986. – 288 с.

имин, А.А. Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1952. – 287 с.

ванов, Д.С. Применение правоохранительными органами беспилотных летальных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений / Д.С. Иванов // Исследования молодых. – 2020. – С. 37–39.

звестия ТулГУ. Экономические и юридические науки. Вып. 3. Ч. II. Юридические науки. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2014. – 274 с.

саева, Л.М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. – Москва: Юрмис, 2003. – 304 с.

обзарев, Ф.М. К вопросу об определении процессуального статуса нового свидетеля обвинения в уголовном процессе / Ф.М. Кобзарев // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 225–228.

ожевников, И.Н. О проекте Уголовно-процессуального кодекса / И.Н. Кожевников // Уголовное право. – 1997. – № 3. – С. 65–85.

омментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Н.А. Петухова, Г.И. Загорского. – Москва: ЭКМОС, 2023. – 780 с.

рылов, И.Ф. Судебная экспертиза в уголовном процессе. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 213 с.

Кубрикова, М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кубрикова Мария Евгеньевна. – Челябинск, 2013. – 26 с.

Кузнецов О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве. – Москва: Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. – 256 с.

Кузнецов, С.Е. Виды, приемы и методы криминалистической аэросъемки / С.Е. Кузнецов // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития. – 2019. – С. 327–342.

Курбанова, Е.М., Цеева, С.К. История возникновения и развития института использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений в дореволюционной России / Е.М. Курбанова, С.К. Цеева // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Том 11. – № 8. – С. 7–

Лазарева, В.А. Лицо, в отношении которого... / В.А. Лазарева // Мировой судья. – 2019. – № 2. – С. 15–19.

Латыпов, В.С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Латыпов Вадим Сагитьянович. – Челябинск, 2013. – 226 с.

Латыпов, В.С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Латыпов Вадим Сагитьянович. – Челябинск, 2013. – 29 с.

Латыпов, В.С. Новелла процессуального законодательства, или новый этап развития института содействия правосудию / В.С. Латыпов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 213–218.

Мамошин, А.А., Барей, Н.С. Процессуальное положение свидетеля и проблемы его безопасности в уголовном судопроизводстве / А.А. Мамошин, Н.С. Барей // Закон и право. – 2023. – № 11. – С. 233–239.

Масленникова, Л.Н. К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе / Л.Н. Масленникова // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 34–36.

- ахов, В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. – Москва : Изд-во РУДН, 2000. – 296 с.
- ельников, В.Ю. Суд в условиях состязательности уголовного процесса / В.Ю. Мельников // Доказывание и принятие решений в современном уголовном процессе. – 2011. – 232 с.
- итрясова, А.С. К вопросу о проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве РФ / А.С. Митрясова // Молодой ученый. – 2018. – № 18 (204). – С. 250–253.
- икулина, В.В. Роль института понятых в уголовном процессе России / В.В. Никулина // Молодой ученый. – 2020. – № 40 (330). – С. 139–141.
- сипов, А.Л. Процессуальное значение и правила оценки показаний соучастников подсудимых: конституционно-правовые и международно-правовые аспекты / А.Л. Осипов // Адвокат. – 2016. – № 9. – С. 6–9.
- авлов, Н.Е. Долг свидетеля. – Москва: Сов. Россия, 1989. – 144 с.
- июк, А.В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве / А.В. Пиук // Уголовный процесс. – 2016. – № 12. – С. 54–56.
- обедкин, А.В. Ни обвиняемый, ни свидетель: создание «сущего без нужды» / А.В. Победкин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2018. – С. 47–54.
- орубов, Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособ. – Москва: БЕК, 1998. – 197 с.
- рограмма по теории и практике перевода / сост. С.А. Семко [и др.]. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1999. – 88 с.
- езепкин, А.М. Против понятых в уголовном судопроизводстве РФ / А.М. Резепкин // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 6 (198). – С. 261–264.
- устамов, Х.У. Некоторые особенности понятия «свидетель» в российском уголовном процессе / Х.У. Рустамов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2017. – № 4. – Т. 24. – С. 161–164.

- елина, Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. – Москва: Юрлитинформ, 2002. – 255 с.
- лучевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Часть I. Судостроительство. – Москва: Зерцало-М, 2014. – 398 с.
- мыслов, В.И. Свидетель в советском уголовном процессе. – Москва: Зерцало-М, 1973. – 160 с.
- Суд и уголовный процесс помещичье-буржуазной России. – СПб., Альфа, 1995. – 144 с.
- арасов, А.А. Привлечение специалиста в современной адвокатской практике по уголовным делам / А.А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9. – № 1. – С. 46–53.
- урилов, С.Н. О некоторых вопросах института досудебного соглашения о сотрудничестве / С.Н. Чурилов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 6. – С. 4–9.
- ейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – Москва: Юрид. лит., 1981. – 128 с.
- дилова, П.В. Некоторые проблемные аспекты заключения досудебного соглашения о сотрудничестве / П.В. Эдилова // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 5. – С. 180–185.
- йсман, А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование. – Москва: Юрид. лит., 1967. – 152 с.
- лтеко, К.С. К вопросу об использовании современных технологий при расследовании и раскрытии преступлений / К.С. Элтеко // Молодой ученый. – 2021. – № 21 (363). – С. 319–321.
- лькинд, П.С. Цели и средства их достижения в уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькинд. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1967. – 142 с.
- рова, К.И., Гурин А.А. Понятие судебной экспертизы в уголовном процессе / К.И. Юрова, А.А. Гурин // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. – 2017. – С. 91–93.
- ковлева, С.А., Конюшков П.С. Вопросы определения процессуального статуса

лица, совершившего преступление в соучастии и заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве / С.А. Яковлева, П.С. Конюшков // Марийский юридический вестник. – 2017. – № 2(21). – С. 95–99.

I

В деле о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко: постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202199/ (дата обращения: 29.01.2026).

о деле о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко: постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202199/ (дата обращения: 29.01.2026).

о досудебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.09.2019 № 29 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_254211/ (дата обращения: 29.01.2026).

Вестник преддипломной практики // Личный архив автора – 2025.

Постановление на преддипломную практику от 20 сентября 2025 г. // Личный архив автора – 2025. – С. 10-13.

Материалы изучения протоколов следственных действий // Личный архив автора – 2025.

И

Ф

О

Т

2

1

.

1

АНКЕТА ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**Уважаемые коллеги!**

В рамках дипломного исследования по теме «Процессуальные особенности, роль и значение иных участников уголовного судопроизводства» просим Вас ответить на следующие вопросы. Анкетирование анонимное, результаты будут использованы в обобщенном виде для совершенствования правоприменительной практики.

1. Как часто в Вашей практике возникают трудности с привлечением понятых при производстве следственных действий (обыск, личный обыск, опознание)?

- Регулярно – 5 чел. (42%);
- Периодически (в 20–30% случаев) – 4 чел. (33%);
- Редко (менее чем в 10% случаев) – 2 чел. (17%);
- Никогда не сталкивался – 1 чел. (8%).

2. Как Вы считаете, эффективен ли институт понятых в современном уголовном процессе?

- Да, полностью выполняет функцию общественного контроля – 1 чел. (8%);
- Частично эффективен, но часто носит формальный характер – 6 чел. (50%);
- Неэффективен, понятые не вникают в суть действия – 3 чел. (25%);
- Лучше заменить обязательной видеофиксацией – 2 чел. (17%).

3. Сталкивались ли Вы с проблемой неявки свидетеля по вызову?

- Да – 4 чел. (33%);
- Да, часто (более чем по 30% дел) – 5 чел. (42%);
- Редко – 3 чел. (25%);
- Ни разу – 0 чел. (0%).

4. Как Вы оцениваете действующие меры уголовно-правовой ответственности свидетеля за отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ) и дачу ложных показаний (ст. 307 УК РФ)?

- Достаточны и эффективны – 2 чел. (17%);
- Недостаточно эффективны, необходимы более строгие санкции – 6 чел. (50%);
- Избыточны, создают давление на свидетеля – 2 чел. (17%);

- Затрудняюсь ответить – 2 чел. (17%).

5. Приходилось ли Вам в своей практике применять меры безопасности в отношении свидетеля (сокрытие личности, допрос под псевдонимом, опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение)?

- Да – 2 чел. (17%);
- Да, но редко (1–2 раза) – 4 чел. (33%);
- Нет, но считаю востребованным – 3 чел. (25%);
- Нет, не было необходимости – 3 чел. (25%).

6. Считаете ли Вы, что применение мер безопасности (сокрытие личности свидетеля) может нарушать право обвиняемого на защиту и состязательность процесса?

- Да – 3 чел. (25%);
- Иногда – 7 чел. (58%);
- Нет – 1 чел. (8%);
- Затрудняюсь ответить – 1 чел. (8%).

7. Как часто в Вашей практике возникают сложности с привлечением квалифицированного переводчика (особенно по редким языкам или диалектам)?

- Регулярно – 4 чел. (33%);
- Периодически (20–30% таких дел) – 5 чел. (42%);
- Редко (менее 10%) – 2 чел. (17%);
- Не сталкивался – 1 чел. (8%).

8. Сталкивались ли Вы на практике с участием лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ)?

- Да – 0 чел. (0%);
- Да, 1–2 раза – 3 чел. (25%);
- Редко – 5 чел. (42%);
- Нет – 4 чел. (33%).

9. Как Вы считаете, каков оптимальный процессуальный статус лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, при его допросе по основному делу?

- Обычный свидетель с предупреждением об ответственности по ст. 307–308 УК РФ – 4 чел. (33%);
- Особый участник без ответственности за отказ от показаний (как сейчас) – 3 чел. (25%);
- Обвиняемый (подсудимый) с правом на защиту – 1 чел. (8%);
- Затрудняюсь ответить – 4 чел. (33%).

10. Испытываете ли Вы трудности при разграничении компетенции эксперта и специалиста при производстве следственных действий?

- Да - 2 чел. (17%);
- Иногда возникает неопределенность - 5 чел. (42%);
- Нет, все четко регламентировано - 4 чел. (33%);
- Затрудняюсь ответить - 1 чел. (8%).

11. Как Вы оцениваете возможность использования видеозаписи в качестве полноценной замены понятий?

- Полностью допустимо, видеообъективнее - 3 чел. (25%);
- Допустимо, но с сохранением понятий по наиболее важным действиям - 6 чел. (50%);
- Недопустимо, видеозапись можно фальсифицировать - 1 чел. (8%);
- Только как дополнение к понятиям - 2 чел. (17%).

12. В целом, как Вы оцениваете современное правовое регулирование статуса иных участников уголовного судопроизводства (глава 8 УПК РФ)?

- Полностью удовлетворяет потребностям практики - 1 чел. (8%);
- Требуется отдельных уточнений и дополнений - 6 чел. (50%);
- Нуждается в серьезном реформировании - 4 чел. (33%);
- Затрудняюсь ответить - 1 чел. (8%).

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником.
Материал не содержит сведений, составляющих государственную и служебную тайну

Е.С. Рябенко